

Ева Никольская

Ева Никольская

Красавица и ее чудовище

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2012
 ЕАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н64

Рисунок на переплете
С. Дудина

Иллюстрации
Е. Никольской

Никольская Е. Г.
Н64 Красавица и ее чудовище: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 407 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1115-3

Иногда жизнь — это череда случайностей. Ты случайно приняла подарок с подвохом? Ерунда! Случайно очутилась в чужом мире? Пустяки, дело житейское! Случайно стала невестой незнакомого человека? Мелочи какие! Что? Не человека? Хм... ну, и это пережить можно! Вот только в сумме этих случайностей картина получается тревожная. Мир похож не на рай, а на преисподнюю. Новые знакомые вовсе не ангелы, да и ночь здесь — не время отдыха, а званый ужин с вакантным местом главного блюда. И как же выжить обычной девушке в столь необычной ситуации? Все просто! Надо найти себе личное чудовище! Ну и пусть оно с когтями, клыками, собственническими замашками и кучей «тараканов» в голове. Любовь зла, как говорится...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1115-3
© Никольская Е. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Часть первая ЗАВЕТНЫЙ ДАР

Сон разума рождает чудовищ.
Испанская поговорка

ГЛАВА 1

Телефон упорно молчал, и я ждала, продолжая коротать время за столиком в небольшом финском ресторане. Последние два дня мы ужинали именно здесь. Хороший сервис, доброжелательное отношение, пятнадцать минут езды до снятого гостиничного домика и, главное, просто изумительная на наш вкус кухня. Особенно полюбили это уютное местечко моей подруге Ленке, которая и явилась инициатором поездки в Финляндию. Вернее, не поездки, а вполне обычного свадебного путешествия счастливой парочки молодоженов: Елены и ее супруга Игоря, ну и небольшого такого довеска в моем лице.

Как это получилось? Элементарно. Уже давно стало привычкой понимание простого факта: если моя дорогая подруга что-то вбила себе в голову, значит, так тому и быть, ибо спорить и переубеждать ее бесполезно. Долгие годы нашей девичьей дружбы, зародившейся еще в детсадовском возрасте, лишь подтверждали это правило. С учетом моих нынешних двадцати пяти с крошечным хвостиком, знали мы с Ленкой друг друга практически всю жизнь. Поэтому я не так уж и долго сопротивлялась, услышав гениальную идею (этими словами она называла все свои сумасбродные планы) о совместной поездке на четверых. А когда мне сообщили, что все расходы берет на себя ее дражайший (и при том вполне состоятельный) супруг, я окончательно сдалась. С зарплатой библиотекаря особо по миру не покатаешься. А тут и путешествие бесплатное, и проживание комфортное, и отдых в обществе друзей. Подобными подарками судьба

меня редко баловала (то есть никогда до нынешнего момента), так зачем отказываться? Ну да, не Париж и не Канары, всего лишь скромная северная страна с серебристым от звезд небом и заснеженным городком, от которого пара часов езды до границы. Муж Елены уже не первый раз приезжал сюда отдыхать. Летом порыбачить, зимой погреться у горящего камина вдалеке от привычной суеты большого города. Ему тут нравилось, и мне, как выяснилось, тоже. Единственное, что немного смущало, так это загадочная личность мужского пола. В обозначенном подругой списке из четырех персон она числилась под номером три.

Его звали Виталием. По Ленкиным рассказам, от которых у меня давно уже раскалывалась голова, он был симпатичным и серьезным молодым мужчиной и, что важно, являлся другом детства ее супруга. Варианты на тему: как будет здорово, если у меня с этим господином «Х» что-то получится, я благополучно пропускала мимо ушей, не забывая при этом периодически кивать в такт вдохновенной болтовне подруги. То, что нас с Виталиком банально решили свести, — сомнений не вызывало. Но, как говорится, колхоз — дело добровольное, поэтому за покушение на свою честь в обществе молодоженов и их приятеля я могла не волноваться. Хотя, если честно, мне самой осточертели одинокие вечера с книгой в руках. Я ведь нормальная вроде бы девушка, и мне тоже хочется тепла и любви. Да только вариант «на безрыбье и рак рыба» меня почему-то никогда не устраивал, а собственноручно разыскать своего «прекрасного принца на белой кляче» я по тем же неизвестным причинам так и не удосужилась. Вот и прожила четверть века в ожидании чуда, деля постель с печатными изданиями и пультом от телевизора. Не то что бы у меня совсем не было поклонников... Но вспоминать сей печальный опыт как-то не хотелось. Зато посмотреть на таинственного Виталика, который из-за командировки не присутствовал на свадьбе и решил отметить это событие парой дней позже в узком кругу друзей, мне было очень даже любопытно.

Судя по красочным описаниям Лены, мужик он видный и неглупый. Первый пункт будоражил воображение, а вто-

рой обнадеживал: умный человек — это как минимум интересный собеседник.

Итак, объект моего повышенного внимания должен был приехать сегодня. Прямоком из командировки к нам. И, ориентируясь на данную информацию, молодожены сообща решили послать меня в ресторан заказывать столик. Подозреваю, сделали они это для того, чтобы я сохранила приличный вид при первом знакомстве, а не явилась пред очи потенциального кавалера чудом с раскрасневшейся на холоде физиономией и спутанными под шапкой кудрями. У-у-у, сводники! Впрочем, я не в обиде. Подкинув меня на машине в указанное заведение, ребята отправились встречать долгожданного гостя, а я, заказав бутылку вина и немного салата, погрузилась в свои мысли.

Минуты медленно текли: по соседству смеялись и что-то обсуждали молодые люди, играла приятная музыка, а в погруженном в полумрак зале царил атмосфера теплого вечера, в то время как за порогом дремала холодная зимняя ночь. Звездная, безветренная, морозная...

Я потягивала красное вино и в легкой задумчивости изучала посетителей. Звонить друзьям по пустякам не хотелось. Вдруг они в машине заняты чем-нибудь важным (например, спорят, чья завтра очередь кофе в постель готовить, причем на всех)? Когда именно подъедет Виталий — никто точно не знал. Плюс-минус час, а то и больше. Так что сидеть мне тут предстояло «до победного» (ну или до закрытия, хотя до него, к счастью, было еще далеко), поэтому я не придумала ничего лучшего, кроме как развлечь себя наблюдением за окружающими людьми. Их было немного. Все разные: юные и не очень, семейные и одиночки, влюбленные парочки и одна шумная компания, уютно устроившаяся в самом дальнем углу.

А потом... появился он.

— Нет, спасибо, — повторила я в седьмой раз, старательно растянув губы в вежливой улыбке. По-русски, по-английски, по-фински... Как об стенку горохом.

Парень чуть наклонил набок голову, изучая меня, повертел в длинных пальцах тонкий браслет с затейливым переплетением золотых листьев и снова положил его передо мной. Я тяжело вздохнула, раздумывая над тем, какими еще словами (приличные уже закончились) можно объяснить этому странному человеку, что девушка не желает принимать его подарок. С чего он вообще решил мне что-то дарить?! Или бедняга хочет продать украшение, а я, глупая, упираюсь? Напрасные старания, денег у меня все равно в обрез, а те, что Игорь выдал на оплату ужина, отдать постороннему не имела права.

Заявился в ресторан мой случайный визави минут десять назад, рассеянно оглядел всех присутствующих и, как назло, встретился взглядом со мной. Ну да, я, изнывая от скуки и затянувшегося ожидания, упустить из виду такой колоритный персонаж просто не могла. Сидела себе спокойно, крутила в руках полупустой фужер и рассматривала плечистую фигуру вновь прибывшего, казавшуюся мне несколько инородной на фоне остальных посетителей. Да уж-ж-ж... Зрелище для одинокой и чуть подвыпившей девушки завораживающее: высоченный парень в отделанной мехом дубленке, поверх которой блестящим дождем струятся черные как смоль волосы. Длинные, прямые и совершенно не спутанные. Не то что мои непослушные кудри, вечно торчащие во все стороны.

Ох, сколько же хлопот с ними пришлось пережить — вспоминать страшно. Ниже плеч я свою темно-каштановую гриву не отращивала, и так еле-еле удавалось скрепить цепкими заколками проворные завитки. Будь моя шевелюра длинней, я бы замучилась ее расчесывать, а количество переломанных гребней наверняка удвоилось бы. Опасаясь такого оригинального удара по бюджету, я каждый месяц просила все ту же Ленку ровнять мне волосы, что она регулярно и делала. В последнее время у нее это даже неплохо получалось: опыт сказывался. А до этого... ну... классическая «ракушка» на затылке способна скрыть многое.

Кстати, о Ленке. Ни ее, ни Игоря до сих пор не было видно, зато бледный, как сама смерть, брюнет молча сидел на-

против, загоразживая собой весь обзор, и смотрел такими грустными глазами, что у меня то и дело сжималось сердце.

Болен он, что ли, чем-то? Немотой как минимум. И глухой в придачу.

На финна не похож, на русского... вряд ли. Наверное, иностранец, который не то что по-фински, и по-английски два слова связать не может. Бедолага. У меня хотя бы со вторым языком проблем не было, да и наших земляков здесь полно. Поэтому мой родной язык многие понимали. Кроме него, естественно.

— Спасибо, не надо, — выдавила я, убрав руку, когда презловутый браслет коснулся моей кожи.

Совсем обнаглел! Что за маниакальное стремление сплавить мне эту побрякушку? Симпатичную, надо заметить, побрякушку. Изыщные листья, извиваясь по дуге, сияли в свете горящих ламп так ярко, что невольно пришлось задуматься о стоимости данного ювелирного изделия. И зачем, спрашивается, такую красоту отдавать первой встречной девице, которая к тому же от нее упорно отказывается? Может, попросить местный персонал проводить незнакомца куда подальше, чтобы не докучал одиноким барышням, сидящим за накрытым столом?

Хм... стол. А если парень просто жутко голоден (вон бледный какой!), но у него нет денег, и поэтому решил расплатиться своим браслетом? Почему бы и нет? Я выгляжу вполне безобидной, да и к содержимому тарелок проявляю мало интереса, отдавая предпочтение вину. Вот он, с его-то языковыми проблемами, и подсел ко мне. Логично? Вполне!

Я пододвинула к нему салат и, вопросительно приподняв бровь, спросила:

— Хочешь?

Несколько секунд парень растерянно моргал, глядя на угощение, потом обреченно вздохнул и, порывшись во внутреннем кармане своей темно-серой дубленки (почему это чудо природы не сдало ее в гардероб, оставалось загадкой), извлек оттуда небольшой блокнот и какое-то пишущее средство, похожее на перьевую ручку. По декоративной отделке она смело могла конкурировать с браслетом. Странно,

что у человека, владеющего такими вот вещами, проблемы с финансами.

Может, его ограбили? Или в аварию попал? Такое иногда случается... Голос наверняка потерял и память. Только зачем явился сюда, если по всем законам жанра следовало топтать в больницу? М-да-а-а... Или я чего-то в жизни не понимаю, или нет у этого типа никаких финансовых проблем!

Незнакомец тем временем что-то старательно чертил по бумаге, на его лице отражалась такая сосредоточенность, что я боялась пошевелиться, дабы не сбить с мысли. Он интересовал меня все больше и больше. Двухметровая особь мужского пола с красивыми, но печальными глазами и навязчивой идеей нацепить на меня браслет не заинтриговать не может. Хотела бы я знать, кто он такой и что ему все-таки надо?

Ответ нарисовался минут через пять, после упорных трудов брюнета над лежащим перед ним блокнотом: корявые очертания фасада с большой вывеской над входом (да-а-а... парень художественную школу вряд ли заканчивал). Надпись на рисунке узнать было проще, чем само здание. Ну конечно же! Ресторан на соседней улице. В него мы тоже заходили, правда, всего один раз, так как Ленке там не понравилось. В голове моей тут же выстроилась новая версия походов сидящего напротив человека. Из-за сложностей в общении этот «бледнолицый обморок» забрел не в то заведение, в которое требовалось (заблудился, проще говоря). Вот и разыскивает теперь кого-нибудь, способного объяснить ему дорогу к нужному месту. Интересно только, зачем он мне браслет все время предлагает? В качестве оплаты услуг проводника, что ли? Или решил таким образом произвести положительное впечатление на девушку, чтобы согласилась помочь ему добраться до изображенного на картинке ресторана?

Странный тип... странный, но симпатичный. А еще такой грустный, что отказать ему в помощи у меня язык не повернулся.

Несколько минут я машинально водила указательным пальцем по вырванному листу с рисунком, безрезультатно пытаюсь объяснить маршрут словами. К счастью, память у меня

хорошая: местность я запоминаю «на ура» с первого взгляда, да и содействие оказать хотелось. А то сидит весь такой растерянный, смотрит глазами побитой собаки и печально вздыхает. Как его бросишь на произвол судьбы? Особенно если учесть, что делать мне все равно нечего, ведь друзья приезжать не торопятся, а посиделки наедине с бутылкой хорошего вина того и гляди перерастут в тихую пьянку. Тогда моя физиономия при знакомстве с Виталием все равно будет изобиловать красными пятнами, только на этот раз не от мороза, а от переизбытка алкоголя в крови. А глупая улыбка и окосевшие карие глазки лишь дополняют общее впечатление. Чем доводить себя до подобного состояния, лучше уж сделать доброе дело. Заодно и проветрюсь чуть-чуть.

Немного поразмыслив на эту тему, я перевела взгляд на лицо брюнета, мимика которого красноречиво сообщала о полном непонимании моих пояснительных речей, и наконец решила. Оплатив счет, попросила официантку не убирать со стола, так как планировала через полчаса вернуться обратно. Если друзья появятся раньше, позвонят, не маленькие. Да и свободных мест здесь достаточно. Подождут моего возвращения, я же ждала их — и ничего. С такими мыслями вышла из ресторана, держа под руку заметно повеселевшего незнакомца.

— Кама, — сказал он, когда мы очутились на улице, и, приложив ладонь к своей широкой груди, чуть склонил в приветствии голову.

От удивления я даже рот приоткрыла. Ну надо же! Это чудо, оказывается, умеет разговаривать. А я уже смирилась с мыслью, что мой спутник нем как рыба. Необычный он, очень необычный, и имя под стать. Может, зря я на ночь глядя собралась разгуливать по чужому городу с человеком, которого впервые вижу?

— Катя, — представилась тихо, натолкнувшись на застывший в ожидании взор черных как угольки глаз. И, отогнав малодушные мысли, улыбнулась собеседнику. — Идем, что ли?

Развернувшись к нему спиной, натянула на голову вязаную шапку, сунула руки в карманы теплой куртки и пошла вперед. Опрометчивый поступок. Но кто же об этом знал?

Не успела сделать и пары шагов, как холодная мужская ладонь закрыла мне глаза.

— Что за шутки? — пробормотала я раздраженно и принялась отдирать его пальцы от своего лица, но, почуввав неладное, прекратила эти бесполезные попытки.

Присущие улице звуки исчезли, будто кто-то неизвестный накрыл нас непроницаемым пологом мертвой тишины. Ни хруста снега под ногами, ни шума паркующихся на стоянке автомобилей — ничего! Я даже не слышала биения собственного сердца. Одна сплошная вязкая тишина, от которой становилось не по себе. Тело постепенно тяжелело, будто наливалось свинцом, и вдруг... через мою голову словно электрические разряды пропустили...

Один, два... Больно!

Я боялась, что черепная коробка вот-вот взорвется, не выдержав такого давления.

Вспышка, другая...

Слепящий свет резал глаза, несмотря на то что ладонь Камы заслоняла мне обзор. Мозг отказывался соображать, изнывая от натиска неизвестных сил, так бесцеремонно вторгшихся на его территорию. Казалось, что весь мой организм сверху донизу прошивают тонкими нитями тока. От боли хотелось кричать, но из сведенного спазмом горла вырвался лишь хриплый стон и быстро заглох от недостатка сил.

Сколько прошло времени прежде, чем болевой шок сменился ознобом и дикой слабостью? Минута, час... вечность? Получившее передышку тело обмякло, и я обязательно упала бы, не поддержи меня тот, из-за кого началось все это безумие. Его рука соскользнула с моего лица, но я была уже не в состоянии поднять свинцовые от тяжести веки. Сознание, освободившись от пытки, трусливо скользнуло в темноту, оставив все разбирательства на потом.

ГЛАВА 2

Короткий щелчок застегнувшегося браслета прозвучал как выстрел. Вырванная из безопасного мрака, я испуганно дернулась, напрягла мышцы, но тут же снова расслабилась,

устраиваясь поудобней в чьих-то теплых объятиях. Боль ушла. Даже воспоминания о ней казались какими-то смазанными, ненастоящими. Будто все это происходило в кошмарном сновидении, а не наяву. Или так оно и было? Может, выпитое в ресторане вино странным образом ударило мне в голову, что повлекло за собой ряд неприятных (если ту адскую пытку можно так назвать) ощущений, закончившихся примитивным обмороком? Думать на данную тему не хотелось. Сейчас я чувствовала себя лучше, чем когда-либо в жизни. По телу растекалась приятная легкость, будто я не смыкала глаз неделю и вот наконец добралась до кровати и выспалась. Следовало, конечно, выяснить, долго ли была без сознания, но шум воды навевал такую лень, что мысли едва шевелились, с большой неохотой выстраивая логическую цепочку из моих приключений. Цепочку, в которой логикой как раз и не пахло.

Откуда... ну скажите на милость, откуда посреди заснеженного финского городка мог взяться водопад?! От этого открытия умиротворенность мою как рукой сняло. Нервно потрянув головой, я соизволила-таки приоткрыть глаза и начала осторожно оглядываться по сторонам. Обзор резко увеличился, картинка прояснилась, ибо бедные мои очи от такого зрелища распахнулись на максимальную ширину.

Финский городок, значит? Ну-ну... теперь бы только определить, с какого именно момента у меня прогрессирующие галлюцинации. А я вообще в путешествие с молодежниками ездила или это тоже было одним из вывертов «съехавшего с катушек» воображения?

Мы стояли посреди огромного каменного грота, в темной вышине которого исчезали макушки массивных колонн. Вернее, стоял Кама, а я полусидела-полулежала у него на руках, удобно привалившись головой к мужскому плечу. Что ж... теперь хотя бы смело могу утверждать, что поездка в северную страну с друзьями в моей жизни все-таки была, в противном случае непонятно, где еще я могла подцепить этого великана с грустно-печальными глазами, которые сейчас виновато смотрели на меня.

— Ну и?.. — устав играть с ним в «гляделки», спросила я.

— Прости, — проговорил он с таким скорбным выражением лица, что меня передернуло.

Так смотрят на покойников, которых сами случайно и упокоили, а не на живых и здоровых девиц с прекрасным самочувствием.

— Э-э-э? — Я на всякий случай принялась ощупывать все части тела на предмет их сохранности. Вдруг и правда уже мертва?

— Я знаю, Катя, это очень больно, но у меня не было другого выбора. Не пройдя той процедуры, ты не смогла бы ни находиться здесь, ни понимать наш язык, — тихо произнес парень и покаянно опустил свою черноволосую голову, вероятно ожидая обвинений.

Дать бы ему по лбу чем-нибудь тяжелым за такие речи. Благодетель нашелся! Да только не в данной ситуации (и не в моей весовой категории) затевать кулачную разборку с этим типом. Лучше выведать побольше, сориентироваться, а там уж... по обстоятельствам.

— Здесь — это где? — осторожно поинтересовалась я, продолжая прислушиваться к своему организму, чтобы определить его истинное состояние. Страх, подавляемый усилием воли, тихо бултыхался где-то в глубине сознания, а получившее зеленый свет любопытство активно рвалось в бой.

— В Карнаэле, — ответил он и снова замолк.

— Очень доходчиво, — иронично хмыкнув, покачала головой я, после чего попросила: — Поставь-ка меня на пол, герой. А то никак не могу поверить, что все это реально.

Он беспрекословно выполнил мою просьбу. Ощувив под ногами твердую поверхность, я покачалась на каблуках, чтобы убедиться в своей устойчивости, после чего начала медленно обходить парня, с большим интересом разглядывая выдавленный в каменном полу рисунок. Он представлял собой три заключенных одна в другую окружности. Каждая из них была разбита на четыре равные части, внутри которых располагались сложные символы. Все эти художества подозрительно напомнили мне ритуальные пиктограммы, которые использовали для вызова какой-нибудь бяки из преисподней. Такие часто показывают в кино, когда сни-

мают фильмы ужасов о сектах, поклоняющихся дьяволу. Ну или почти такие. Подробности я, естественно, не помнила, однако легче от этого как-то не становилось.

— А это что? — кивком головы указала на интересующий меня рисунок.

— Переход, — пояснил Кама, внимательно наблюдавший за моими перемещениями.

Я вздохнула и собралась было высказаться по новой, но продублировать свою предыдущую фразу о бесконечной содержательности его ответов мне, увы, не удалось. Ослепительная вспышка вынудила на несколько секунд прикрыть глаза.

Ох, лучше бы я их не открывала...

Из медленно тающего зарева прямо на меня летело нечто маленькое и мохнатое, с огромными оранжевыми глазищами и большими острыми ушами, которые двигались, будто крылья, и служили, судя по всему, для увеличения скорости полета головы и того, что к ней прилагалось. Существо рaziнуло пасть и истошно заверещало — я заорала в ответ и инстинктивно шарахнулась назад. Кама что-то промычал, но мы не обратили на него внимания. А мгновение спустя я уже пыталась отодрать от своей куртки неизвестное животное с необычайно цепкими лапками и наипротивнейшим голосом, от высоких ноток которого у меня заложило уши и начал дергаться глаз.

— Ринго?.. Спаси?.. От кого? — В коротких перерывах между звуковыми атаками ушастика я слышала полные удивления вопросы, обращенные явно не ко мне.

Сообразив наконец, что парень понимает вопли этого мелкого монстра, я прекратила скакать на месте и, сделав парочку дыхательных упражнений, чтобы уgomонить взбесившееся сердце, посмотрела на брюнета. Н-да... выражение рассеянности на его лице, похоже, частый гость. Прилипчивое создание, почувствовав свободу, шустро вскарабкалось ко мне на плечо и принялось что-то прятать в меховом капюшоне куртки.

— Это кто та... — покосившись на животное, активно сооружавшее тайник из моей одежды, начала возмущаться я, но

оборвала свою тираду на половине слова, едва не прикусив при этом язык.

Действительно, не до разговоров как-то, когда тебя в очередной раз ослепляет, а потом сносит с места и откидывает на несколько метров ударной волной, после чего благополучно припечатывает к полу чьим-то тяжелым телом. И все бы ничего, но маленький негодник, который, кстати, умудрился вовремя смотаться с облюбованного плеча, подложил мне в капюшон какой-то твердый предмет, об него-то я и припечаталась скулой. Из глаз посыпались искры, а из уст такие трехэтажные маты, что я сама покраснела, когда наконец опомнилась и начала отдавать себе отчет в собственных словах и действиях.

— Впечатляет, — раздался над ухом пропитанный ехидством голос. Незнакомый...

— Угу, — отозвалась я, сделав неловкую попытку повернуть голову, отчего недавний ушиб не преминул напомнить о себе. К моему огромному сожалению, эта боль не спешила проходить так же быстро, как та, которую я испытала ранее. — Может, все-таки слезешь с меня? А?

— Сейчас, — сказал мужчина, продолжая при этом спокойно лежать. — Только заберу свою собственность. — Он просунул руку под мой затылок и повернул голову лицом к нему. — Ты не возражаешь?

Наверное, состояние шока слишком явно отразилось в моих глазах, потому что губы незнакомца дрогнули, растягиваясь в сочувственно-иронической улыбке. Не, ну я многое на своем веку повидала, только что вот сражалась с ушастым мини-лемуром, и ничего... пережила. Всего-то отделалась легким тиком и заложенным ухом. Однако созерцание насыщенно красных радужек вокруг вертикальных зрачков меня почему-то выбило из колеи.

И правда, с чего бы? Подумаешь, разлегся на мне вполне реальный вампир (ну а кто еще может иметь такую характерную внешность?) в обличье пепельного блондина, эка невидаль! Ничего удивительного. Совсем ничего! Разве что паранойя?

— Отдай тетрадь, Арэ, — вырвал меня из размышлений о душевном здоровье голос незнакомца.

— Сам дурак, — вырвалось на автомате. — Слезь с меня, пока не раздавил, — упрямо повторила требование, мысленно прикидывая, что именно следует ему отдать и где это что-то взять?

Судя по форме и твердости предмета, на котором кое-как устроилась моя многострадальная головушка, это и была та самая пропажа, из-за которой меня прокатали по полу и прижали к нему же. Ладно... Будем надеяться, что случайно.

— Ну хорошо, — сказал мужчина и принялся вытаскивать тетрадь. Оглушительный визг резанул мне по уху, острые коготки звериных лапок вонзились в руку незнакомца.

Я взвыла, блондин зарычал, а подскочивший к нам зверек воинственно вздыбил серую шерсть на загривке и пискнул так громко, что я схватилась за ухо, искренне опасаясь получить пожизненную глухоту.

— Что происходит? — О! Кто-то перестал тормозить и подал голос с галерки. А я уж было подумала, что этот праздник жизни пройдет мимо Камы с его глобальной рассеянностью.

— Пожалуйста, сними с меня этого типа, — процедила сквозь зубы, пытаясь рукой столкнуть чужое тело с себя любимой.

И тут мой взгляд наткнулся на пресловутый браслет, от которого пришлось отбрыкиваться в ресторане. Вампир (ну или некто, очень на него похожий) тоже уставился на украшение, плотно сидящее на моем запястье. Несколько секунд мы оба изучали его, после чего мужчина хмыкнул, а я нахмурилась.

— Что происходит? — снова повторил брюнет, продолжая стоять на месте, будто и не слышал моей просьбы.

У-у-у-у... Кажется, рассеянность его плавно переходила в тугодумие. Или это присутствие красноглазого так на всех повлияло?

Ринго (кажется, Кама называл животное этим именем) шипел и угрожающе повизгивал, вцепившись в проклятую тетрадь, на которой по-прежнему покоилась моя голова. Я прожигала взглядом то браслет, то незнакомца (правда, оба

они вспыхивать не спешили, вопреки всем моим стараниям). Ну а двухметровый обморок, втянувший меня в эту авантюру, благополучно тормозил в нескольких метрах от нашей «дружелюбной» компании.

— Да слезь ты, черт побери! Мне жарко и... и... и дышать нечем! — окончательно взбесившись, заорала я, отчего зверек прижал свои локаторы к голове (пустячок, а приятно, не все ему меня допекать), а вампир поморщился.

И... о чудо! Его белобрысое величество изволил подняться. А еще он изволил довольно резким рывком поставить на ноги и меня в комплекте с вцепившимся в мое плечо животным.

— Просто. Отдай. Тетрадь. — Делая четкие паузы между словами, проговорил мужчина, на что Ринго издал такой возмущенный вопль, за который мне безумно захотелось его прибить.

— Достали! — Я начала расстегивать молнию на куртке, намереваясь избавиться от верхней одежды и того, что к ней «прилипло». Зверек с перепуга вцепился в мою шею и жалобно заскулил возле многострадального уха.

О-о-о-о-о-о-у-у-у-у-у! Лор после таких приключений мне уже не поможет, разве что слуховой аппарат порекомендует.

— Что здесь происходит? — с нажимом повторил Кама, подходя к нам.

Н-да... заклинило парня конкретно, ничего не скажешь. Хотя нет. Очень даже скажешь. То есть... сказал, активно жестикулируя, мой наплечный кошмар. И чем больше он говорил, тем грустнее становилось лицо брюнета, мрачнее — блондина и злее — мое. В самый разгар звериной речи рванула ворот куртки и, воспользовавшись заминкой когтистого охранника, вытянула из капюшона наш «камень преткновения». К последующей звуковой атаке я была морально готова, а вот к паре килограммов живого веса, повисших на моей руке, и к ярко-оранжевым глазам, полным мольбы, — нет.

Далась им всем эта чертова тетрадь! Небольшая, белая, в твердом переплете с золотым тиснением и обожженным краем. Судя по черным разводам на обложке, свидание с

огнем у нее было не далее как сегодня. А судя по колючему блеску в красных глазах, свидание это устроил блондин. И почему-то думалось мне, что данное событие послужило стартом для их с Ринго забега. Эх... Еще бы понять, как распорядиться оказавшимся у меня в руках трофеем?

— Дай сюда! — Приказной тон светловолосого меня бесил, тоскливое попискивание зверька давило на жалость, а растерянность Камы раздражала.

— Не дам, — брякнула я раньше, чем успела подумать, что говорю, и испугаться последствий своих слов.

Большеухий комок шерсти согласно закивал и сделал своими кожистыми лапками парочку многозначительных жестов. Впрочем, об их многозначительности я могла только догадываться по вытянувшимся физиономиям мужчин и по опасным искоркам в кроваво-красных радужках одного из незнакомцев. Сообразив, что перегнул палку, пушистик прикрывшись ушами и спрятался ко мне за спину.

— Ты ответишь за свою выходку, Ринго... позже, — процедил белобрысый. — Эта тетрадь моя, — тихим незлобным шепотом сообщил он... теперь уже мне.

— И поэтому ты хочешь ее сжечь? — незаметно отодвинувшись от собеседника, решила я проверить свою догадку.

— Что хочу, то и делаю. Отдай, Арэ.

— Хватит ругаться непонятными словами, уважаемый. Если этой тетради все равно суждено погибнуть в огне, то можно мне ее чуток попридержать? Хоть разберусь, из-за чего сыр-бор, — заявила я и, открыв тетрадку, пробежалась по первым попавшимся строчкам, написанным на чужом и в то же время понятном языке.

Эх... не зря, значит, так жутко мучилась некоторое время назад, даже грамоту местную теперь знаю.

Когда сердце твое разрывает тоска,
Когда душу разъела полночная мгла,
И контролю уже неподвластна рука,
Только разума плеть, только боли игла
Возвращает из омута жажды постылой.
Нереально-уродливой, грязной и лживой...
Я боролся... Борьба — мой обычный удел.
Но изъять эту дрянь я, увы, не су...

Тетрадь дернули и резко захлопнули, едва не лишив меня чтива. Так вот и увлекайся содержанием, когда вокруг бродят всякие красноглазые типы. Странно, что он до сих пор не отобрал у меня свою собственность. Ростом этот товарищ был немного ниже Камы, фигурой поизящней, но такие детали мало что значили, если сравнивать со мной. Будь у него желание, скрутил бы меня и пучеглазого звереныша вместе взятых, чтобы вернуть пропажу. Но он этого не сделал... Почему?

— Подари ее мне, а? — неожиданно для окружающих (и для самой себя тоже) выдала я.

И чем только наглость питается? Уж не страхами ли? Я стояла неизвестно где, в обществе непонятно кого и вместо того, чтобы дрожать от ужаса, препиралась на предмет чужой вещи. Или это у меня отходняк после болевой процедуры так выражался? Вон Кама до сих пор «подвисал». Три одинаковых фразы «родил» и заткнулся, только глазами своими черными хлопал, слушая нашу «душевную» беседу.

— Зачем? — Алые щелки сверкнули из-под графитового цвета ресниц.

— За надом! — буркнула себе под нос, прижав к груди тетрадь, а вслух сказала: — Заинтересовало. Почитать хочу. Оставь ее мне и считай, что она сгорела.

Ушастая морда, высунувшаяся из-за моей спины, активно закачала головой, поддерживая предложение.

— Ты... — начал собеседник.

— Ну подари-и-и! — изобразив самую милую улыбку из имевшихся в моем дежурном арсенале, протянула я.

— Нет! — очнулся Кама.

— Забирай, — коротко бросил светловолосый и, развернувшись, зашагал прочь. — Считай, что это мой подарок... на вашу свадьбу!

— Ась? — Радость легкой победы быстро покинула меня, уступив место нехорошему предчувствию.

Какая еще свадьба? Почему я не в курсе? И причем тут моя «подгоревшая» добыча?

— Катя... — Брюнет подошел ко мне и взял за руку, за ту самую, на которой красовался его браслет.

— Кстати, о птичках, — приподняла я бровь. — Зачем... — Фраза моя канула в тишину, внезапно накатившую на помещение, словно в бездонный колодец.

Я видела, как у дальней стены в каменный бассейн падает вода, но не слышала ее шума. Парень, держа мою ладонь в своей, что-то говорил, но у меня не получалось разобрать его слова по губам. Ни шагов, ни дыхания, ни стука вновь взбрыкнувшего сердца... А потом откуда-то сверху полился голос: красивый и властный, торжественный и чуть-чуть насмешливый, а главное, женский.

— Условия Заветного Дара соблюдены. Ваша свадьба, Арацельс, состоится в храме через три условных дня. Поздравляю, мой мальчик!

Невидимая незнакомка замолчала, и мир вокруг взорвался звуками, самым занятным из которых был яростный рык развернувшегося на сто восемьдесят градусов блондина. Общий смысл его продолжительной тирады после применения цензуры можно было свести к фразе: «Какого демона ты привел ее сюда, если она не приняла твой браслет?!» Впрочем, ответ меня тоже впечатлил. У Камы проснулся не просто дар речи, но и дар ненормативной лексики! Если опустить все неприличные обороты, то его фраза звучала примерно так: «А какого демона ты вздумал делать ей подарок?!»

— М-да... — прибормотала я, слушая их обмен «любезностями».

— В-в-в-в-и-и-и-и... — согласно пискнул мне в ухо перербравшийся на плечо Ринго.

— Пойдем, что ли, отсюда? — предложила я зверьку, тот согласно кивнул. — А куда? — Тонкая лапка указала на темный арочный проход в противоположной водопаду стороне. Туда я и побрела, плюнув на ругающихся мужчин. Авось не вспомнят обо мне, и мы спокойно выберемся на свет божий из этих подземных катакомб.

Ну... или я наконец проснусь.

Арацельс прислонился спиной к каменной стене коридора и, чуть запрокинув голову, прижался затылком к про-

хладной поверхности. Лучше, так гораздо лучше... Когда она не смотрит на него своими прищуренными глазами из-под спутанных завитков растрепавшихся волос... Когда не спрашивает, не разыграш ли это, и не пытается объяснить происходящее с точки зрения здравого смысла... Какой, к демону, смысл? Для нее, для девушки из шестого мира. Он до боли сжал кулаки, чтобы избавиться от дрожи в руках. Напряжение искало выхода, заставляя темно-серый камень расцветать белоснежной паутиной инея. Ажурная сеть ледяных кристаллов медленно разрасталась, рисуя причудливый узор вокруг его застывшей фигуры.

— Перестань наводить чары, — хмуро проговорил Кама, вместе со словами выпустив в похолодевшее пространство белую струйку теплого пара.

Он привалился плечом к двери комнаты, в которую некоторое время назад они привели Катю. Кама стоял так вовсе не для того, чтобы не позволить ей выйти. Да она и не стремилась к этому. Просто ему, как и его другу, сейчас было совершенно необходимо на что-нибудь опереться. Чтобы отдохнуть, чтобы успокоиться... чтобы подумать.

Резко оттолкнувшись от стены, блондин нехорошо сверкнул глазами и ответил в той же мрачной манере:

— Непроизвольный выплеск магии. Спасибо. — Его губы тронула бледная улыбка. Скорее грустная, чем ироничная. — Удружил.

— Это все из-за тебя... — начал Кама, но собеседник раздраженно махнул рукой и поморщился.

Проглотив готовые сорваться с языка обвинения, черно-волосый закусил губу и посмотрел на своего оппонента таким убитым взглядом, что Арацельс повторно скривился. Его бесила сложившаяся ситуация, бесила и расстраивала одновременно. Он поклялся себе, что никогда не приведет в Карнаэл Арэ, никогда не воспользуется законом Заветного Дара, никогда...

Единственным предметом, созданным собственными руками и впитавшим кусочек его души, была та самая злополучная тетрадь. Обрывки мыслей, чувств... надежды и разочарования, его внутренний мир, его полная жутких

противоречий жизнь — слово за слово все это отрывистыми строчками ложилось на чистые листы. Сборник стихотворений? Нет, скорее, зашифрованный в рифмованных образах дневник. Только он мог стать Заветным Даром. И потому его следовало уничтожить. Давно следовало, но... не вышло.

Какое же все-таки извращенное чувство юмора у судьбы. Именно сегодня он решился отдать закованную в белый переплет частицу себя на съедение алым языкам пламени. Прожорливым и горячим. Они обратили бы в пепел мысли, застывшие на страницах, и умерли бы в снежном капкане его печали. Но цепочка роковых случайностей, слишком уж похожих на закономерности, убила на корню все планы.

Да, Арацельс не приводил Арэ в Карнаэл, за него это сделал другой. И приговоренный к уничтожению Заветный Дар вопреки желанию создателя нашел-таки своего адресата. Если бы он только знал, что выточенный Камой браслет на тонком запястье девушки не принят Катериной. Если бы...

— Что ты ей принес? — Озвученный тихим голосом вопрос заставил Каму вздрогнуть.

— Шоколад и вино. Девушка обрадовалась, сказала, что любит... — Он ожидал чего угодно, но только не разговоров о еде. И зачем спрашивать? Мог бы заглянуть в пакеты, раз это так важно.

На душе у парня скребли кошки. Сегодняшний день можно было смело вписывать в историю его жизни как самый ужасный из всех прожитых. Из-за собственной оплошности он одним махом лишился невесты, на поиск которой потратил весь годовой запас выходных дней, и... подставил друга. От осознания всего происшедшего хотелось удавиться.

— Вино-то зачем? — Арацельс прикрыл ладонью глаза, раздумывая над тем, что ему делать с девчонкой, которая сейчас в компании Ринго лакомилась шоколадом и потихоньку надиралась в его личной каэре.

Демоновы правила! И почему именно он во все это вляпался? Пальцы снова сжались в кулак, а в голове мелькнула

мстительная мысль свернуть тонкую шейку под большеухой головой одного проворного похитителя тетрадей. Не сбеги это чересчур самостоятельное создание со своей ношей в главный зал Перехода, все могло бы сложиться иначе. Могло бы... но не сложилось. Накатившая волна отчаяния холодом колючего снега осыпалась к ногам блондина, вновь ослабившего контроль над родной стихией.

— Почему? — шагнув к другу, спросил он.

Его вопрос повис в воздухе морозной прохладой, заставив Каму поежиться, несмотря на зимнюю одежду.

— Я...

— Почему шестой мир? — Темно-серые брови сдвинулись, а красные глаза полыхнули огнем. — Ты прекрасно знал, как я относился к твоему решению отправиться за избранницей. Но ты все равно пошел. Ладно. Пусть. Это личное дело каждого из нас. Но, во имя Равновесия миров, объясни мне, пожалуйста, почему ш-ш-ш-ш-ес-с-с-той?!

В конце своей приглушенной речи мужчина уже откровенно шипел, едва контролируя рвущиеся наружу эмоции. В освещенном зачарованными факелами коридоре стало еще холоднее.

— Потому что только там я смог встретить Одинокое Сердце, которое мне действительно понравилось. А ты! — В пугающе черных зрачках Камы всколыхнулась ответная ярость. — Ты отнял у меня Арэ, сделав ей подарок!

— Придур-р-рок. — Арацельс приблизил свое лицо к собеседнику, не выпуская из плена алых глаз непроглядную темноту чужого взора. — Эгоистичный придурок. Ты прекрасно знаешь, что люди из шестого физически очень хрупки. Я не говорю уже об их психике. Мир, где любое проявление магического дара считается душевной болезнью и «лечится» путем разнообразного копания в мозгах, оставляет неизгладимый отпечаток в умах своих обитателей. Ты не подумал о том, что девушка может свихнуться, попав сюда? А потом... ты уверен, что она выдержит уготованное ей бремя?

— Это уже у тебя надо спрашивать, — злорадно отозвался брюнет, пряча за мрачной усмешкой свою боль. — Она ведь теперь твоя Арэ.

— Ненадолго, — процедил светловолосый.

— Хочешь обойти один из законов Карнаэла? — Кама недоверчиво прищурился, изучая лицо друга. — Но это же самоубийство.

— Возможно, но никто ведь не запрещает искать другое решение проблемы. — Блондин натянуто улыбнулся в ответ.

Он стоял напротив: высокий и стройный, в отделанной серебром черной форме Хранителя Равновесия, которую на территории Карнаэла носили все, кто занимал эти должности. Было в его облике что-то хищное и скользкое. Мужчина напоминал припорошенный белым снегом лед — скрытую под покровом обманчивого спокойствия опасность.

Вопреки утверждениям сослуживцев, что у мрака много общего с холодом, Кама никогда не мог разобраться в ледяных завалах дум приятеля. Надо же... он попытался сжечь Заветный Дар... глупость, достойная Арацельса. Хотя... лучше бы его попытка увенчалась успехом... и была бы сейчас Катя его, Камы, Арэ. Ведь убедить девушку принять в подарок красивый браслет, когда нет языковых препятствий, не так уж и сложно. Особенно если не сообщать ей о смысле этого подарка.

— И что ты намерен делать? — заинтересовался черноволосый Хранитель.

— Прежде всего... — сказал собеседник и засветил не ожидавшему такого сюрприза парню кулаком в глаз. — Это!

— Псих! — выдохнул Кама, отлетев на пару метров. — За что? — пробормотал он, прижав ладонь к травмированному месту.

Впрочем, он знал за что. И даже был согласен понести наказание за свои ошибки. Пожалуй, только это чувство раскаяния и удержало от ответного удара.

— За все хорошее. — Арацельс резко откинул назад светло-пепельное, почти белое покрывало волос и, задумчиво рассматривая освободившуюся дверь, продолжил: — Ну а теперь я, пожалуй, разыщу Смерть. А ты иди к своей кудрявой дамочке и последи, чтобы она совсем не упилась от той «радости», в суть которой мы ее недавно посвятили. Мне неприкаянный призрак невесты в комплекте с хладным тру-

пом не нужен. — Парень окинул равнодушным взглядом обиженного друга и, развернувшись, зашагал прочь.

Постояв немного и посмотрев ему вслед, Кама грустно вздохнул и, открыв дверь, зашел в комнату. Он не видел, как за удаляющейся мужской фигурой, одетой в черно-серебристые цвета, по верхнему краю стены беззвучно скользила изменчивая и гибкая тень.

ГЛАВА 3

Ринго разгуливал по столу, активно работал челюстями и уплетал уже четвертую дольку шоколада, которым я его подкармливала. Перед моим носом лежала целая куча этого дивного лакомства. От золотистых оберток рябило в глазах, а от аромата уже слегка подташнивало, так как я в отличие от сотрапезника ела предложенный десерт не дольками, а плитками. Но отодвинуть блестящую горку подальше сил не было. Люблю шоколад, что поделаться... слабость у меня такая с детства. Дома больше одной плитки в день не покупала, знала, что не смогу остановиться, пока не съем все. Ну а здесь меня, похоже, решили щедро угостить. Или откормить? Надеюсь, не на убой.

Рассмотрев эту мысль со всех сторон, я решительно ее отвергла. Хотели бы прикончить, не стали бы со мной церемониться. Так что беспокоиться по поводу скорой смерти пока что не имело смысла, гораздо более актуальным сейчас являлся вопрос нашей будущей свадьбы, которая ни мне, ни моему жениху, ни его тормозному другу, притащившему меня сюда, была нафиг не нужна. Единственный, кто пребывал в искреннем восторге от предстоящего события, — это Ринго. Судя по пересказу его пискляво-рыкающего монолога, исполненного по дороге сюда, зверек был счастлив, что женой его хозяина стану я. Меня, конечно, грызли смутные подозрения на тему слишком краткого перевода вдохновенной речи, но смысл произнесенных слов согревал. Все-таки приятно, когда ты кому-то действительно нравишься. Пусть даже этот кто-то — пушистый комок со смешными ушами и полосатым хвостом.

Положив в рот очередную дольку шоколада, посмотрела на устроившегося на столе зверька, с аппетитом уплетающего свою порцию. Он активно двигал маленькими челюстями на вытянутой мордочке и, то ли от усердия, то ли от желания понюхать лакомство, смешно шевелил черной пуговкой носа. В полуприкрытых глазах его застыло блаженное выражение, а заметно надувшийся животик то и дело довольно урчал. Н-да... не одна я тут не могу устоять перед горько-сладким искушением. Такими темпами господа хозяева этого гостеприимного местечка найдут по возвращении не нас с Ринго, а два объевшихся шарика.

Я с сожалением посмотрела на свою трикотажную блузку с глубоким V-образным вырезом и плотно сидящие на бедрах джинсы. С такой обтягивающей одеждой переедание мне явно противопоказано. Эх, надо было надеть что-нибудь посвободней. Нет же, захотелось произвести впечатление на Виталия. И где теперь он? А где я? Одно утешало: впечатление мне все-таки произвести удалось. Правда, не на тех, на кого планировалось, но все же. После того как зимняя куртка вместе со свитером перекочевали с моих плеч в руки черноволосого обморока, оба новых знакомых стали слишком уж часто коситься на мою фигуру. Нет, ну ладно блондин (он меня первый раз в таком виде наблюдает), но Кама-то чего? В ресторане не разглядел, что ли? Или ему сам процесс созерцания доставляет удовольствие? Я даже краснеть начала от таких откровенно оценивающих взглядов. Они что тут... женщин раз в год по заветам видят? Хотя... наверное, так и есть. Особенно если вспомнить ту дивную историю, которую мне рассказали по пути в... гм... кажется, Арацельс назвал эти каменные апартаменты своей кварти... каэрой. Или нет? Да какая разница! Короче, по пути *сюда*.

Воскрешать в памяти вышеупомянутую историю без кружки вина я не решилась. Плеснув себе из кувшина немного багряного напитка, сделала глоток и, тоскливо посмотрев на горку шоколада, решительно отодвинула ее в сторону. В ту самую сторону, где расположился мой мохнатый приятель. В первый момент он опешил, пару раз ошара-

шенно моргнул, затем выпучил и без того огромные глаза и... радостно взвизгнул.

Ой-ё-о-о-о... бедные мои перепонки. Привыкание к громким воплям, конечно, шло, но темпы его сильно уступали болезненным реакциям моего организма на каждую звуковую атаку. Зато танец счастливых дикарей, исполненный Ринго вокруг лакомства, добровольно пожертвованного в его пользу, дал повод от души посмеяться. Виляющий бедрами пушистик, радостно пыхтящий и ритмично подпрыгивающий, — это, скажу я вам, очень любопытное зрелище. А в сочетании с тем, как лихо он выделял фигуры «высшего пилотажа» своими огромными ушами и длиннющим хвостом, не залюбоваться представлением было просто невозможно. После его финального приземления на пятую точку напротив шоколадной пирамиды я не удержалась и поаплодировала. Получив бурное одобрение от единственного зрителя, зверек гордо выпрямился, уселся поудобней и... принялся за дело. Тонкие лапки с острыми коготками мелькали над десертом, золотистые обертки летели в разные стороны, а я жестоко топила свою зависть в холодных водах здравого смысла. Уже пять плиток незаметно так слопала, куда больше-то?

Пригубив еще вина, поерзала на жесткой скамье и окинула рассеянным взглядом комнату. Большая, с высокими сводчатыми потолками и с неизменными факелами на серых, в черно-коричневых разводах стенах. Все здесь было сделано из камня: ровные плиты пола, массивная мебель, даже бассейн в соседнем помещении со стекающим в него ручейком. Просто гранитный склеп, а не жилые покои. Серебристо-голубые мохнатые покрывала, напоминавшие шкуры животных, лежали на кресле, в котором смело могли разместиться три меня, на кровати (если каменную плиту два на два с половиной метра, закованную в каркас из трех ажурных ограждений, можно так назвать), на полу и даже на скамье, которая стояла возле необъятного по моим меркам стола. Сидеть на такой подстилке оказалось, без сомнения, мягче, чем на голом камне. А вот насчет теплее — ничего сказать не могу, так как каменные поверхности, по моим тактильным ощущениям, не были холодными. Вероятно, мне вы-

пала честь лицезреть какой-то местный вариант мебели с подогревом. О том, как все это работает, я даже не пыталась думать, и без того хватало разных загадок. Для начала следовало осмыслить ту информацию, которой меня щедро одарили собеседники перед тем, как уединиться за дверью.

Мужской разговор у них. Ну-ну... Хотите смеяться, хотите нет, а во всех мирах одно и то же.

Воспоминания хлынули с той же скоростью, с какой полилась новая порция терпкого напитка в мою немаленькую кружку.

Как пояснил Кама, потрясая при этом моей рукой с браслетом, привели меня сюда для того, чтобы я стала его женой. Впечатляющее заявление, ага! Не то чтобы я не догадалась по их ругани, что, зачем и почему... просто такой прямолинейный ответ меня слегка ошарашил. Я даже впала в ступор минуты этак на три. С кем поведешься, как говорится. Такого стремительного решения моей неустроенной личной жизни даже Ленка придумать не смогла. Она меня с потенциальным кавалером только познакомить хотела, а черно-волосое солнышко, которому я сдуру стала помогать, сразу замуж потащило, мол, познакомиться и после свадьбы можно. Хорош-ш-шая политика. А главное, действенная. Прими я тогда от него украшение, женихом моим стал бы Кама, но мне, поганке такой несговорчивой, приспичило заполучить тетрадь со стихами. Да уж... женская душа — потемки. Кому-то золото-бриллианты подавай, кому-то поэзию в обгоревшем переплете, а кто-то, если бы знал, чем все это пахнет, не стал бы принимать никакие дары под страхом смертной казни. Но кто ж меня просветил? Понятное дело, никто. С другой стороны, мужики симпатичные, не признать этого было нельзя. А зачем врать себе? Это они там друг с другом сейчас беседуют, а я тут мило общаюсь сама с собой. Анализирую ситуацию, проще говоря. Под хорошее вино и энергичное хрумканье шоколадом справа от меня. Интересно, а напитки сюда тоже из моего мира доставляют? Как эти сладости в упаковках и вашу покорную слугу?

Желание утащить у Ринго дольку было торжественно залито очередным глотком моего багряного «успокоительного». Итак... о чем я? Ах да... о мужчинах. После Камы мою руку с не меньшим усердием тряс Арацельс, требуя ответить, почему я не приняла Заветный Дар брюнета? Почему, почему... откуда мне знать почему?! Огрызнулась. Сказала, что всю жизнь мечтала получить в свою личную коллекцию его стихи, а вовсе не украшения. После этого заявления он тоже подвис. Заразная, видать, болезнь... всех зацепила. Ну а я, воспользовавшись паузой, потребовала снять с меня этот изящный «наручник» и оставить наконец в покое мое бедное запястье. Отпустил, отвернулся, подумал немного, а потом ехидно так поинтересовался, что, раз мечтала, может, и замуж за него тоже хочу? Выругалась... почти прилично. Помолчали. Обстановку разрядил Кама, который с печальными вздохами принялся расстегивать замысловатый замок на не прижившемся у меня браслете. Избавившись от проклятого ювелирного изделия, почувствовала себя лучше.

Все-таки странные у них тут правила. Делать девушке предложение методом вручения подарка — оригинальный способ, нечего сказать. Надеюсь, что господа Хранители, как они представились, хотя бы сообщают о своих намерениях избранницам, когда приводят их сюда, чтобы стереть языковые барьеры. Скорее всего да. Иначе зачем эти самые барьеры стирать, если не для важного разговора? Мне сказали, что Заветный Дар — это предмет, сделанный собственноручно тем, кто им владеет, а еще, что в нем заключена частица души создателя. Судя по серьезным физиономиям собеседников, в последнюю фразу они вкладывали вовсе не переносный смысл. Что ж... все может быть. После телепортации неизвестно куда и доставшегося через боль понимания чужого языка я была готова поверить во многое. Хотя от парочки версий на тему происходящего удержаться не получилось.

Вариант глубокой комы, в которую я впала, поскольку выйдя из ресторана, тут же зарубил Кама. А после предположения о наличии грибов-галлюциногенов в моем салате на меня как-то странно посмотрел Арацельс.

Решив, что шуток эти типы не понимают, начала задавать им вопросы. Куда более полезное занятие! Отвечали коротко и без энтузиазма. Но и это радовало.

За период нашего довольно-таки продолжительного пути я поняла следующее: место, именуемое Карнаэлом, — это что-то вроде обустроенного для жизни астероида с разветвленной сетью тоннелей, идущих от центра, где находится храм некоего высшего существа (богини, как я поняла), именуемого Эрой, что в переводе с древнетаосского (название мне ничего не сказало, кроме того, что у всех есть свои древности) означало «избирающая». Арэ, которой меня постоянно называл красноглазый, в свою очередь значило «избранница». А то, что мне это слово напоминало разновидность попугаев, естественно, никого не интересовало. Несколько раз я говорила, что у меня есть имя, но блондин откровенно игнорировал эту информацию, будто специально трепал мне нервы. Хотя... почему будто? «Любовь» у нас с ним зародилась с первого взгляда и плотно заковалась в кавычки.

Дальше — больше. Находился этот самый Карнаэл в пространственно-временной то ли петле, то ли воронке на перекрестке семи миров. Нет, не планет одной звездной системы, а именно миров. Далеких, но тем не менее замкнутых друг на друга. Как такое получилось, мне попытался объяснить Кама, однако на третьей фразе с кучей непонятных терминов я попросила его сменить тему. Получилось и получилось, вот если не выйдет у Арацельса обойти их дурацкий закон Заветного Дара (а он настроен решительно, сразу видно — убежденный холостяк!), будет у меня масса времени на изучение и этого, и многих других вопросов. Примерно целая семейная жизнь. Чем еще замужем за таким типом заниматься? Только изучением мироустройства, да. Так и вижу эту картину: муж (к моей великой радости) на работе постоянно, а я провожу день за днем в обществе толстых книг, научно-популярных фильмов и чего-нибудь еще в том же духе. Жесть! Надеюсь, у потенциального супруга получится разорвать помолвку. Если эта язва красноглазая не передумает, конечно. А то у них тут условия те еще: в году всего семь суток отпуска, одни на посещение каждого мира.

Неудивительно, что новые знакомые меня так внимательно разглядывали. Женщины здесь, похоже, редкость. Если и есть, то замужние дамы. И что за маразматик устанавливал правила в этом мире? Впрочем... имелись у меня мысли на сей счет.

Так вот, отвлеклась я что-то. Эти семь миров находились в постоянном взаимодействии друг с другом. Они как бы подпитывали Карнаэл и своих соседей разными видами энергий, соприкасаясь, но в идеале не пересекаясь. Потому что при пересечении начинали образовываться либо «сдвигки», либо «дыры». И то и другое ничего хорошего в себе не несло, разве что возникновение аномальных зон в первом случае и спонтанных межмирных переходов — во втором. При этом мало того что нарушалась структура пограничных миров, так еще и появлялись вынужденные переселенцы. Задача Хранителей — устранять обозначенные ранее неприятности и поддерживать нормальное взаимодействие сопряженных миров, которое и называется Равновесием. М-да... еще один вариант на тему мироустройства. Что ж, я не возражала, более того, я даже пыталась его осмыслить и принять. А что еще делать, когда стоишь в самом сердце описываемой системы?

Хранителей в этом похожем на замок астероиде, по словам мужчин, было всего семеро. По одному из каждого связанного мира. Кама из третьего, Арацельс из первого. Имелся, значит и мой сородич... из шестого. Присутствие здесь земляка (а в такой ситуации любой житель планеты Земля все равно что брат родной) заметно подняло настроение. Желание блондина вернуть меня домой тоже радовало, вопреки неприятным уколам самолюбия. Ну а тоскливые взоры Камы проливались целительным бальзамом, питая вышеупомянутую черту характера. Все-таки внимание противоположного пола — штука приятная. Я даже сердиться на парня за похищение долго не смогла. Ну понравилась ему девушка, ну закинул он ее в этот их зал Перехода. Так это все для того, чтобы поговорить по душам и сделать предложение руки и сердца. Р-р-р-романтика, ага. Красивый молодой человек с браслетом и неожиданно вспыхнувшими чувствами в придачу. Да не просто человек, Хранитель — не

мужчина, а мечта. Жаль только, что не моя. Моя же «мечта» шагала рядом, периодически сверля мой невозмутимый (ну я надеюсь, что невозмутимый) профиль испытующим взглядом. Тоже мне... поэт непризнанный. Терпеть не могу блондинов!

Воспоминания вызвали у меня чувство досады, и я снова потянулась к кувшину с вином, умудрившись по ходу увести у Ринго кусочек шоколада. Зверек вопросительно приподнял одно ухо, перестал жевать и, немного подумав, толкнул в мою сторону еще не распакованную плитку. Я аж умилилась от такой заботы. Пожалуй, этому пушистику я уже готова была простить не только громогласные вопли, но и ехидного хозяина. То, что Ринго — существо разумное, а также сообразительное и предприимчивое, было понятно без слов. Единственное, что огорчало, это незнание его языка. К сожалению, в результате болезненной процедуры, через которую пришлось пройти, я не получила такой способности. Зато господа Хранители прекрасно понимали ушастого болтуна, мне же приходилось полагаться на язык жестов. И, судя по развитию наших со зверушкой взаимоотношений, удачно. Глядя на то, как я распаковываю угощение и кладу в рот первую дольку, Ринго довольно щурился, не забывая при этом жевать. Если судить по уменьшившейся горке сладостей, влезло в него много, значительно больше, чем предполагал размер его желудка. Я даже начала подозревать, что вместо этого органа у мохнатого малыша черная дыра. А что? Удобно: ешь — не хочу. Вот только как такое прожорливое чудо прокормить? Да-а-а, хозяину не позавидуешь. Мысленно позлорадствовав на эту тему, я одной рукой поднесла к губам кружку, другой подняла до половины завернутую в фольгу шоколадку и застыла в такой позе, потому что дверь начала медленно открываться. А когда в комнату вошел уже знакомый мне брюнет с живописно подбитым глазом, соединила руки, использовав их содержимое в качестве щита, за которым можно было тихо и почти незаметно давиться смехом. Н-да, хорошо они там... поговорили.

ГЛАВА 4

Наевшийся до отвала Ринго заснул, распластавшись на обертках от шоколада. Его задняя лапка иногда дергалась, а длинный пушистый хвост вытягивался в линию, но тут же снова опадая на стол под тихое урчание маленького хозяина. Невероятно! Это чудо еще и мурлычет. Где, интересно, Арацельс раздобыл такой очаровательный гибрид лемура с кошкой и еще непонятно с кем? Или, может, сам вывел? Селекционер-экспериментатор. С него станется. Тоже мне, чайник фиолетовый!

Вопросы о своей персоне по дороге в его... его... покои блондин обходил с такой мастерской виртуозностью, что я то и дело теряла нить разговора и отклонялась от темы. Скользкий тип, ничего не скажешь. Не то что Кама. От этого веяло надежностью и... добродушием, что ли. Робким, но искренним. А еще грустью, которая, как мне казалось, давно уже стала неотъемлемой частью его натуры. Может, именно из-за этого я не могла на него долго сердиться? А может, мне просто было интересно все то, что происходило вокруг, поэтому ни злости, ни раздражения не появлялось. Одно только любопытство. Я плыла себе по течению, заводила интересные знакомства с разумными животными и в их же обществе наслаждалась своим любимым шоколадом. Ну и чего мне еще для счастья надо? Разве что пролить свет на пару-тройку... мм... десятков вопросов, пока особо деятельные Хранители не отправили мою скромную персону восвояси. Все-таки не каждый день попадаешь в такое необычное место с весьма колоритными обитателями. Так почему бы не развлечься? Тем более что очень хочется.

— Кама! А, Кама? Может, тебе примочку какую-нибудь на синяк сделать? А то смотреть на тебя больно, — сказала я, потянувшись к наполовину опустевшему кувшину, чтобы подлить себе вина.

От моего громкого окрика Ринго дернул ушами, приоткрыл глаза и, укоризненно посмотрев в мою сторону, что-то возмущенно просвистел... гм... носом. Выглядело это очень забавно, и я, не сдержавшись, хихикнула. Теперь в сонных

оранжевых очах появилось мученическое выражение, говорившее: «Имей совесть, а?» Искомая черта характера резко проснулась в моей душе, и, прихватив с собой полную кружку вместе с тетрадью Арацельса, я направилась к сидящему в кресле брюнету, который занимался детальным изучением пола у себя под ногами. Сосредоточенно так, вдумчиво... будто пытался отыскать великий смысл бытия в рисунке каменных плит. На мое предложение он так ничего путного и не ответил. Неразборчивое бурчание себе под нос в счет не шло. Когда я перебралась со скамьи на широкий подлокотник его кресла, парень поднял голову и вопросительно на меня посмотрел.

— Лечить тебя буду, — доверительно сообщила я и тихо засмеялась, увидев, как он испуганно шарахнулся в сторону. — Да ладно, шучу, шучу... Что же ты такой дерганый? Хотя, если честно, лед приложить не помешало бы, а то глаз уже наполовину заплыл.

Пострадавший орган зрения мрачно сверкнул из окружающей черноты и нервно моргнул.

— Не надо, — ответил Кама и, увидев, что я продолжаю вопросительно на него смотреть, расщедрился на еще одну дико информативную фразу: — Само пройдет.

На такое оптимистичное заявление я скептически хмыкнула и, спрятав недоверчивую улыбку за большой кружкой, принялась устраиваться на новом месте. По ширине подлокотник переплюнул даже скамейку, стоящую возле стола.

Это ж какие надо иметь руки, чтобы класть локти на такой «плацдарм»? Хотя какое мне дело, может, у Хранителей болезнь такая... профессиональная. Гигантомания называется. Они же за Равновесием миров следят. Вот и мнят себя фараонами. Удивительно, что сфинксов с саркофагами по углам комнат не наставили.

Косые взгляды соседа я благополучно игнорировала. Ничего, потерпит мое общество. Сам сюда привел, вот пусть и наслаждается. А кричать ему через всю комнату я не собиралась. Просто из жалости к спящему Ринго. Пусть себе малыш отдыхает. Он сегодня стресс перенес: гонку с препятствиями и неравное сражение за обгоревшую тетрадь.

Кстати, о ней...

Вытащив из-под мышки подарок, я положила его на колени, бережно погладила по белому переплету, затем открыла первую страницу и, отхлебнув вина, прочла про себя вступление из шести коротких строк:

Я словно пепел на ветру.
С утра очнулся, в ночь умру.
Но будет снова пробужденье...

Так день за днем, за годом год
То я огонь, то синий лед.
С самим собой веду сраженья.

Н-да... если красноглазый о себе эти стихи слагал, то жизнь его — калейдоскоп противоречий, не иначе. Хотела бы я на них посмотреть. Впрочем, а что мешает? С такими мыслями я перевернула белый лист и продолжила изучение ровных строчек, написанных немного размашистым, но довольно симпатичным почерком. Некоторые слова оказались зачеркнуты, над ними размещены другие. Но все это больше походило на авторскую задумку, нежели на небрежность. Тот, кто вел тетрадь, относился к ней с большой любовью. И для того чтобы почувствовать это, мне достаточно было всего раз взглянуть на нее. Взглянуть сейчас, после того, как она стала моей.

Хм... Как странно...

Чем дольше я смотрела на исписанный чернилами лист, тем сильнее убеждалась в том, что фраза о вложенной в Дар душе — действительно не игра слов. Я как будто соприкоснулась с чем-то живым, полным мыслей и чувств... чужих чувств. Они пугали и завораживали, увлекая в таинственную темноту неизвестности. Пальцы непроизвольно заскользили по гладкой бумаге. Подушечки приятно закололо, а по руке разлилось согревающее тепло.

— Может, хватит уже любоваться на нее, Катя? — вывел меня из задумчивости голос Камы. Мрачный такой голос, с плохо скрываемыми нотками раздражения.

Очнувшись, я обнаружила, что не читаю тетрадь, как планировала, а нежно поглаживаю ее, словно бы исследуя на ощупь. Тьфу... хорошо еще, что на вкус не попробовала. Совсем бы опозорилась. Ну а собеседник чем недоволен?

Сидит, как ворон нахохлившийся, глаз горит, сигнализируя о плохом настроении владельца, второй тоже не отстает, активно сверкает из-под опухшего века цвета перезрелой сливы. Просто красавец! И боевые шра... то есть синяки присутствуют, и сумрачное настроение до кучи. И всему этому, похоже, причиной являюсь я. Хм... что-то не радуется такой вывод.

— Очень занимательно, — передернув плечами под тяжелым взглядом, пробормотала тихо. — Красивые стихи.

— Не сомневаюсь, — сказал он и, поджав губы, отвернулся.

Ну замечательно! И что мне с этим индюком надутым делать? Не объяснять же ему, что на обиженных воду возят? Он ведь шуток не понимает.

Пока я пыталась решить, как лучше поступить, чтобы не вышло ссоры, парень сидел с гордым видом и смотрел на посапывающего на столе зверька. Почему именно парень? Не знаю... На лицо они с Арацельсом ровесники, но блондин определенно был старше, это чувствовалось во взгляде, в движениях — во всем его облике. Неуловимый налет опыта прожитых лет? Определенное состояние души? Понятия не имею. Да и душу свою он мне не изливал. Просто ощущение такое возникло, и все. Ведь я не интересовалась их возрастом, а зря. Большое упущение. Следовало его срочно исправить. Тем более, что сидели мы в полной тишине уже минут пять: я мелкими и редкими глотками пила вино, а черноволосый Хранитель продолжал изображать из себя застывшее изваяние и не делал никаких попыток начать разговор.

— Кама, а сколько тебе лет?

Молчание.

— Сколько лет, спрашиваю, — легонько толкнув его в плечо, повторила я. — Или это страшная тайна, покрытая мраком?

— Пятьдесят восемь, — нехотя отозвался он.

— Сколько?! — От такой новости я чуть кружку на себя не опрокинула.

Ринго недовольно пискнул, приоткрыв один глаз. Но тут же снова опустил веко и, сладко зевнув, продолжил пре-

рванный моим воплем сон. А собеседник (завидую его выдержке!) даже ухом не повел. Сидел себе в каменном кресле с каменным лицом. Хоть портрет рисуй, все равно не шевелился.

— Сто тридцать по меркам второго мира, там самые короткие годы. А по принятой у вас системе времяисчисления — двадцать девять, — пояснил парень.

— О! — Вздохнула с облегчением и на радостях выпила еще несколько глотков. Думаю, это последняя порция вина на сегодня, а то что-то я стала чересчур бурно реагировать на получаемую информацию. Ни к чему это. Выражение полной непробиваемости на лице куда выигрышней. А в сочетании с черным юмором так и вообще убойная сила. — А сколько Арацельсу?

Ну хоть вообще о блондине не спрашивай! Опять на меня волком посмотрели. А я что? Я ничего. Я просто хотела знать, что за кота мне подсовывают в мешке с надписью «муж». Имела право в конце концов!

— Восемьдесят четыре условных года, — выдавил из себя Кама секунд через десять.

— Э-э-э-э... ему, получается, сорок два? — Недоверчиво переспросила я. Нет, ну то, что он старше, было заметно, но я почему-то думала, что не настолько. Пара-тройка лет... не больше.

— Если бы он жил в шестом мире, то было бы так, — сухо ответил собеседник.

— Не первой свежести блондинчик. — На губах моих помимо воли появилась пакостная ухмылка.

— Хранители не стареют, — пробурчал брюнет, опять не оценив шутку, — по крайней мере внешне.

«Зато теряют чувство юмора и начинают слегка притормаживать», — мысленно продолжила я.

Пока огонек беседы худо-бедно теплился, надо было выспросить более важные вещи, а то окунется опять мой сосед в свои сумрачные думы, и буду я снова ломать голову над тем, что бы ему такое сказать, дабы не усугубить положение. Ишь, обидчивый какой попался. Может, оно и к лучшему, что у нас с ним по воле судьбы и Ринго ничего не сложилось?

Пока я размышляла, Кама снова принял вид бледного истукана, упорно симулирующего состояние «меня тут нет, а то, что есть, вам только кажется». Сообразив, что нейтральными вопросами мне растормошить его не удастся, перешла к решительным действиям: приподняв с его плеча длинную черную прядь, принялась ее нагло рассматривать, перебирая пальцами жесткие и прямые волосы. От моих прикосновений парень вздрогнул, но выражения лица не поменял, лишь припухший черный глаз подозрительно дернулся.

— И как они только у тебя не путаются?! — с видом исследователя, в руки которого попал уникальный экземпляр для опытов, проговорила я, после чего положила рассмотренную со всех сторон прядь на плечо хозяина и с искренним восхищением вынесла вердикт: — Красивые!

Кама хмыкнул, но по легкому румянцу, появившемуся на его скулах, я сделала вывод, что слова мои ему приятны. Вот и славно. Мне комплиментов не жалко, когда они заслуженные. Да и польза имелась: вроде как обиженный сосед начал оттаивать. А там и до откровенной беседы недалеко. В отсутствие блондина у нас имелся шанс поговорить без свидетелей и начистоту. Даже Ринго спал. Как можно упускать такой момент? Сделав очередной глоток и непроизвольно погладив лежащую на коленях тетрадь (руки к ней так и тянулись, что поделаешь), я спросила:

— Скажи, пожалуйста, Кама, а почему ты выбрал меня?

Он вздохнул и, повернув голову, посмотрел в упор на мою невинно моргающую мордашку, нижняя часть которой традиционно пряталась за большой кружкой, а верхняя являла повышенное внимание в широко распахнутых карих глазах. Эдак я по артистизму и Ринго переплуну. Была бы цель.

— Понравилась, — помолчав немного, сказал парень. Я продолжала интенсивно хлопать ресницами, всем своим видом демонстрируя ожидание, и собеседник в конечном итоге сдался. — Мы тебе уже говорили, что свободно можем находиться в любом из семи миров всего одни сутки. Не условные, а местные. Таковы правила... Я побывал в каждом из миров, шестой был последним. Выбрав наугад несколько

точек на Земле, посетил их и встретил тебя... — Из груди Камы вырвался печальный вздох, а глаза погрузнели. Ну прямо отобрали у ребенка любимую игрушку. Того и гляди скуная слеза скатится по бледной щеке.

— А ресторан, который ты мне нарисовал вместе с названием, откуда знаешь? — попыталась я сменить тему, а заодно и немного отодвинуться от собеседника. Благо, места хватало. Не нравилось мне, как он смотрит. Будто панихиду по мне заказывать собрался.

— Заходил туда часом ранее. Вот и накидал по памяти. Я во многих подобных местах был. Алекс говорил, что там проще всего встретить Одинокое Сердце.

— Кого? — не поняла я.

— Девушку, сердце которой свободно, — терпеливо пояснил Кама, продолжая топить меня во мраке своих грустных глаз.

Темное пятно синяка делало нового знакомого еще более несчастным и в прямом смысле слова побитым. Так и хотелось погладить парня по голове и пожалеть, копируя интонации доброй мамочки.

— Я не одинокая. — Возражение слетело с языка, а сердце тоскливо сжалось, подтверждая правоту его слов.

Не одинокая? Да? А как же холодные ночи в обнимку с книжкой и пультом? Есть брат и родители? Конечно, есть! Но у предков сейчас голова была занята внуками, которых старший сын частенько им подкидывал, а у него все мысли витали вокруг обожаемой супруги, и лишь иногда брат вспоминал о младшей сестре, живущей в каких-то трех кварталах от него. Да, мы продолжали любить друг друга, как и положено в семье, но мое одиночество от этого не становилось меньше. Лучшая подруга, с которой долгие годы делили все горести и радости, вместе влипали в разные истории и вместе же из них выпутывались, даже она отдалилась от меня, встретив Игоря. Так одинока ли я? Без сомнения.

— Но у тебя же нет любимого человека! — с уверенностью заявил Кама, пробив голосом ледяной каркас отчуждения, который я постепенно выстраивала вокруг себя, как стену из неприятных и в то же время очевидных выводов.